

С О О Б Щ Е Н И Я

А. И. БАЛАНДИН

П. И. ЯКУШКИН и А. И. ГЕРЦЕН

В конце 50-х — начале 60-х годов прошлого века известный собиратель фольклора П. И. Якушкин обратил на себя внимание полицейских властей как революционный агитатор и подметчик «возмутительных прокламаций». Агенты полиции все чаще сообщали о том, что он занимается социальной пропагандой среди народа, действует по заданию неведомых им тайных обществ: «...Губернский секретарь Павел Иванович Якушкин... в гостинице Иордана при посетителях некоторых дворянах... позволял себе громко говорить и напевать в выражениях нескромных и неприличных о крестьянском деле, о наделе им земли и об отношениях дворовых слуг к господам, припевая: «авось мы им зададим»,— сообщал, например, 30 декабря 1859 г. в Москву штаб-офицер губернского жандармского управления в Орле полковник Арцышевский¹. В следующем, 1860 г. было перехвачено полицией письмо Якушкина к И. С. Аксакову от 23 сентября, в котором он, между прочим, писал: «Про мужицкое дело, верно, Вам известно: помещики непременно раздражат мужиков, мужики их и перережут; а пока помещики отнимают у мужиков хлеб, скот, переселяют на новые места; которые не соглашаются — тех порют; таковые, которые и тем не довольны и отправляются к предводителю, тех — предводитель. Такие происшествия у вас известны под названием бунтов»².

В правительственных кругах всерьез считали, что «Якушкин есть тайный агент «красных», посланный волновать народ, а что собрание глупых народных песен, которые поют одни пьяные, есть только предлог»³. Много лет спустя некий К. Н. Лебедев в своих «Записках», относящихся к 60-м годам, писал: «В Петербурге, я это знаю и читал в записке Мих. Ал. Безобразова, а, вероятно, и в Москве, дворянская (крепостная) партия считает его (Якушкина.— А. Б.) эмиссаром народной (едва ль не республиканской) пропаганды»⁴.

Компрометирующие Якушкина документы были доставлены в III Отделение в мае 1862 г. Московский обер-полицмейстер Г. К. Крейц доносил шефу жандармов: «На днях кн. Евгений Черкасский встретился на одной станции, между Москвою и Тулою, с Якушкиным (известным по полемике с псковским полицмейстером⁵) и одним студентом, которые предлагали ему печатные воззвания, присовокупляя, что таковых у них много. Кн. Черкасский отказался от этого подарка и впоследствии узнал, что господа заезжали в Тулу к графу Льву Толстому...»⁶. Об этом же свидетельствует и «справка» в деле III Отделения: «...Литератор Якушкин и проезжающий с ним вместе какой-то студент распространяли печатные и возмутительные воззвания и заезжали в имение графа Толстого»⁷.

¹ Государственный архив Орловской области, ф. 883, д. 8, л. 77. Сообщено Н. М. Черновым.

² Центральный государственный исторический архив Москвы (ЦГИАМ), ф. 109, 1 экспедиция 1860 г., ед. хр. 1937, л. 6.

³ «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II», Берлин, 1860, вып. V, стр. 205.

⁴ «Русский архив», 1900, кн. III, вып. 10, стр. 262—263. М. А. Безобразов — помещик-крепостник.

⁵ В августе 1859 г. Якушкин был арестован псковской полицией. Формальным предлогом для ареста явилось отсутствие у него надлежащим образом оформленного письменного вида и простонародное платье, «не соответствующее его чину губернского секретаря». На самом же деле Якушкин был арестован по политическим мотивам, но они официальными властями тщательно скрывались. 31 августа Якушкин был освобожден и вскоре выступил с обличительной статьей «Проницательность и усердие губернской полиции» («Русская беседа», 1859, V, Смесь, стр. 107—122). Этой «истории» первоначально Якушкин и был обязан своей известностью.

⁶ ЦГИАМ, ф. 109, 1 экспедиция 1862 г., ед. хр. 84, л. 27. Ср.: В. Б а з а н о в. Павел Иванович Якушкин, Орел, 1950, стр. 66.

⁷ Впервые опубликовано в статье И. Ильинского «Жандармский обыск в Ясной Поляне в 1862 г.» («Звенья», I, 1932, стр. 388).

Управляющий III Отделением генерал-майор А. Л. Потапов, получив эти сведения, 11 мая предложил полковнику жандармской службы в Туле Муратову иметь «по этому предмету надлежащее наблюдение»⁸. Частный пристав штаб-ротмистр Кобеляцкий, которому было поручено расследовать достоверность этих сведений, не нашел прямых доказательств, что Якушкин и Николай фон Болль (о нем шла речь в донесении Г. К. Крейца и в «справке» III Отделения.—А. Б.) распространяли печатные прокламации. Однако во время жандармского обыска в Ясной Поляне в июле 1862 г. у Николая фон Болля найдено было «несколько выписок из «Колокола», писанных не его рукою и оставшихся у него, как он показал, после одного студента, застрелившегося в прошедшем году в Москве»⁹. В революционно-пропагандистской деятельности Якушкина чиновники III Отделения не сомневались. Вскоре там были получены новые документы.

В марте 1863 г. агент Петербургского полицейского управления Волгин в одном из своих донесений сообщал: «Гр[аф] Толстой в Ясной Поляне, кроме сношения с крестьянами, ведет дела с Московским университет[ом]; его агентом в Петербурге был Н. Успенский, один из сотрудников «Современника», который теперь опять будет здесь, в Петербурге, если уже не приехал. Успенский ездил по России, по поручению Думы, для узнания духа простонародья. Он в большом количестве распространил между крестьянством брошюру Герцена «Крещеная собственность»; гг. Якушкин, Варенцов, Бессонов и Рыбников ездили с той же целью, но уже для растолкования народу настоящего положения Руси и подготвления его к революции. Успешнее всех действовал тут П. Якушкин, который вместе с тем давал знать обо всем и Герцену»¹⁰.

Петербургский обер-полицмейстер И. В. Анненков, осведомителем которого Волгин стал после исключения из Технологического института, весьма высоко отзывался о его «способностях»: «Это очень способный и даровитый молодой человек, с хорошим пером, бойкий, самолюбивый и с сознанием своего достоинства, но не имеющий никакого состояния и снискивающий себе в полном смысле слова кусок хлеба газетными статьями»¹¹.

Однако донесения этого «способного» осведомителя вызывали недоверие уже у М. К. Лемке, который впервые опубликовал их в комментариях к сочинениям А. И. Герцена. «Волгин городил всякий вздор, получавшийся им из десятых рук...»,— писал он¹². В этом легко убедиться по приведенному нами донесению: Николай Успенский никогда не был «агентом» Л. Н. Толстого¹³, а фольклористы В. Варенцов и П. Бессонов никогда не занимались революционно-пропагандистской деятельностью. Но в донесении Волгина содержатся и достоверные факты. Одним из них является указание на связь Якушкина с А. И. Герценом.

Как справедливо отметил Н. М. Чернов¹⁴, по-видимому, в этом донесении объединились различные слухи о Якушкине после посещения им Л. Н. Толстого, а также сведения о связях Якушкина с А. И. Герценом, начавшие поступать в III Отделение еще с конца 50-х годов. В 1858—1860 гг. родной брат П. И. Якушкина, Виктор Иванович Якушкин, бывший врачом, ездил за границу, где изучал опыт зарубежной медицины. Обозреватель «Северной пчелы» после возвращения В. И. Якушкина из-за границы сообщил: «Молодые русские врачи, гг. Курочкин¹⁵ и Якушкин, в недавнее время вернувшись из-за границы..., открыли новую лечебницу и принимают к себе ежедневно от 11-и до 2-х часов пополудни»¹⁶.

За границей В. И. Якушкин познакомился и подружился с Артуром Бенни, который, как известно, был принят в кругах, близких к А. И. Герцену. Царская охранка

⁸ Там же, стр. 389.

⁹ ЦГИАМ, ф. 109, 1 экспедиция 1862 г., ед. хр. 230, ч. 39, л. 25 и об. Ср.: В. Б а з а н о в, Новые люди или нигилисты? (К истории русского демократического народоведения), «Русская литература», 1959, № 2, стр. 156. Следует отметить, что в Ясной Поляне Якушкин бывал дважды: второй раз — в конце августа 1862 г. (См.: Л. Н. Толстой, Собр. соч., Юбилейное издание, т. 48—49, стр. 42).

¹⁰ А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XVI, Пг., 1920, стр. 167.

¹¹ Там же, стр. 165.

¹² Там же.

¹³ После разрыва Н. Успенского с редакцией «Современника» в 1862 г. Л. Н. Толстой принял в судьбе этого писателя самое живое участие, пригласив его учителем в яснополянскую школу и напечатав у себя в журнале его рассказ «Хорошее житье». Н. Успенский в то время довольно часто посещал Ясную Поляну. Л. Н. Толстой впоследствии сказал одному из своих посетителей: «Я ставлю Николая Успенского много выше превознесенного другого Успенского, Глеба, у которого нет ни той правды, ни той художественности». (См.: И. Н. Захарьин (Якунин), Встречи и воспоминания, М., 1903, стр. 214). По-видимому, все это и дало «основания» Волгину считать Н. Успенского «агентом» Л. Н. Толстого.

¹⁴ В докладе «П. И. Якушкин в годы революционной ситуации в России», прочитанном 18 января 1961 г. в Институте истории Академии наук СССР.

¹⁵ Н. С. Курочкин — поэт-искровец, однокурсник В. И. Якушкина по Медико-хирургической академии.

¹⁶ «Северная пчела», № 90, 22 апреля 1861 г.

не сомневалась, что молодой врач установил связь и с А. И. Герценом. Так, в «справке», составленной в 1871 г. графом Н. В. Левашовым, в то время товарищем начальника III Отделения, читаем: «...Якушкин, брат высланного Павла¹⁷, кончил докторский курс, и хотя нет сведений положительных, но весьма вероятно, что находился в сношениях с иностранными революционерами»¹⁸.

В Мценском уезде Орловской губернии, куда вскоре переехал В. И. Якушкин и где протекала вся его дальнейшая врачебная деятельность, в то время открыто говорили о его встречах с А. И. Герценом во время заграничной поездки. Е. И. Апрелева (Бла-рамбер) в своих воспоминаниях о жене В. И. Якушкина — Елизавете Мардарьевне впоследствии писала: «Мог ли он (отец Елизаветы Мардарьевны. — А. Б.) думать, что не успеет глаз закрыть, как его Лизанька... выйдет замуж за Якушкина... и с места в карьер понесется с молодым супругом в Лондон, на поклон Герцену»¹⁹.

28 июля 1864 г. один из агентов доносил в III Отделение: «Известный Якушкин давно уже подозревался в сношениях с Герценом; сколько можно припомнить, о нем писали даже и из-за границы²⁰. Последнее время стало слышно, что Якушкин опять собирается путешествовать по России и, разумеется, между народом. Слух этот заставил обратить на Якушкина особенное внимание; усиленные наблюдения за ним не были напрасны: на днях удалось взять у него черновое письмо его к Герцену, при сем представляемое. Документ этот может, кажется, служить несомненным и неопровержимым доказательством падаемого на Якушкина подозрения. Для сличения его почерка могут быть востребованы через цензурное начальство черновые статьи его, которые он помещал иногда в «Современнике». Якушкин теперь еще грознее и если в отношении его признаны будут необходимыми какие-либо меры, то полезно было бы поспешить, так как очень может быть, что он скоро уедет отсюда»²¹.

А в письме говорилось следующее:

«!7.2. Письмо к А. И. Герцену.

Я хотел, Александр Иванович, и это письмо послать прямо к Вам; а когда узнал, что Вы не совсем радушно принимаете письма об делах совершившихся, и некоторые происшествия совершенно верные Вы не помещаете в своем журнале, а потому я помещаю это письмо в другом журнале. Зная Вашу любовь к Руси, я думаю, что Вас обрадуют этим письмом.

Вы, верно, знаете, что я от русского правительства никаких субсидий никогда не получал²², а только из любви к русскому народу более двадцати пяти лет по Руси ходил и меня никто не может уличить ни в какой лжи против народа, и потому я могу говорить смело об теперешних делах»²³.

Управляющий III Отделением полковник Н. В. Мезенцов воспользовался советом своего агента слить почерк и на следующий день обратился к председателю С.-Петербургского цензурного комитета М. Н. Турунову с конфиденциальным письмом, в

¹⁷ П. И. Якушкин в это время отбывал ссылку в Астраханской губернии.

¹⁸ ЦГИАМ, ф. 109, 1 экспедиция 1865 г., ед. хр. 253, л. 5 об.

¹⁹ «Русские ведомости», № 38, 15 февраля 1908 г. — Е. И. Апрелева писала под псевдонимом Е. Ардов.

²⁰ 4 июня 1864 г. А. И. Герцен в газете «The Daily News» напечатал статью «Свобода в России», в которой, рассказывая о «гражданской казни» Н. Г. Чернышевского в Петербурге, писал: «Молодая девушка (М. П. Михаэлис, участница студенческого движения 60-х годов, свояченица Н. В. Шелгунова. — А. Б.) бросила ему цветы, ее арестовали. Известный литератор крикнул: «Прощай, друг мой!» ...Он — в тюрьме». 16 июня 1864 г. А. И. Герцен в газете «Le Temps» напечатал другую статью, в которой, рассказывая об этом же событии, писал: «Какая-то молодая девушка бросила ему цветы, ее арестовали. Один широко известный литератор, П. И. Якушкин, крикнул ему: «Прощай, друг!» — и очутился в тюрьме». В «Колоколе» А. И. Герцен напечатал статью «Н. Г. Чернышевский», в которой привел слова одного очевидца экзекуции: «Известный литератор П. Якушкин крикнул ему «прощай!» и был арестован». (См.: А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, Издание АН СССР, т. 18, М., 1958, стр. 222, 232, 234). Эти статьи А. И. Герцена вызвали большой резонанс в России. 22 июня 1864 г. Н. И. Утин, например, писал Н. П. Огареву: «Хочется сказать юношеское спасибо Александру Ивановичу за его статью в «Daily News», «Siecle» (в этой газете 16 июня 1864 г. была перепечатана статья А. И. Герцена из «The Daily News». — А. Б.), «Temps»...» (См. «Литературное наследство», т. 62, стр. 658). По-видимому, агент полиции имеет в виду эти статьи А. И. Герцена.

²¹ ЦГИАМ, ф. 109, 1 экспедиция 1864 г., ед. хр. 152, л. 1 и об.

²² В 1847 г. В. И. Даль, рекомендуя Якушкина Совету Русского географического общества, писал: «Если же обществу угодно будет выдать Якушкину... небольшое вспоможение, напр[имер], 150 руб. серб., то он обещает прислать все, что соберет, в распоряжение общества». Однако материальной помощи Якушкин не получил. Не получал он ее и позднее, когда стал членом-сотрудником этого Общества. Подробнее об этом см. в нашей статье «Новые материалы о П. И. Якушкине (О связях П. И. Якушкина с Русским географическим обществом)» («Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1961, № 2, стр. 154—161).

²³ ЦГИАМ, ф. 109, 1 экспедиция 1864 г., ед. хр. 152, л. 2.

котором писал: «По встретившейся надобности имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство, не изволите ли признать возможным доставить мне на некоторое время одну из подлинных рукописей г. Якушкина, статьи которого помещались иногда в журнале «Современник»²⁴.

Из С.-Петербургского цензурного комитета в III Отделение пришел следующий ответ: «Статьи, предназначенные для помещения в журнале «Современник», представляются на рассмотрение цензуры не в рукописи, а в корректурных листах, а потому рукописных статей г. Якушкина в С.-Петербургском ценз[урном] ком[итете] не находится; в последнее же время, 9 марта сего года, представлена была г. Якушкиным для отдельного издания рукопись под заглавием «Русские народные песни», которая была дозволена к печати 10 мая и возвращена автору»²⁵.

Однако вскоре одна из рукописей Якушкина была представлена в III Отделение. Это был очерк из цикла «Небывальщина», опубликованный в свое время в «Искре» (1864, № 1). Принадлежность письма Якушкину была установлена.

В. Г. Базанов, опубликовав черновой набросок письма Якушкина к А. И. Герцену в подстрочном примечании к статье «Новые люди или нигилисты?»²⁶, отказался от каких бы то ни было комментариев. Вопрос о времени и содержании письма до сих пор остается открытым. Попытаемся установить, когда и в связи с какими событиями оно было написано.

А. И. Герцен внимательно следил за научной и литературной деятельностью Якушкина, откликаясь на все сколько-нибудь значительные события в его жизни. Особый интерес проявлял А. И. Герцен к деятельности Якушкина-собиравателя: собрание фольклора в годы революционной ситуации приобрело политический характер, сами собиратели преследовались правительством. В статьях «Русские немцы и немецкие русские» и «Лишние люди и желчевики», напечатанных в «Колоколе»²⁷, А. И. Герцен откликнулся на так называемую «псковскую историю» — незаконный арест Якушкина в Пскове в августе 1859 г. Событиям в Пскове А. И. Герцен дает политическую оценку, рассматривая их на фоне той борьбы, которая разгорелась в середине прошлого века вокруг крестьянского вопроса. Откликнулся он и на известное постановление правительства «О порядке отправления учеными обществами лиц для собрания нужных им сведений»²⁸, принятое в связи с собирательской деятельностью Якушкина и серьезно ограничивающее фольклорно-этнографические разыскания. «Желая всеми мерами способствовать изучению России,— с иронией писал А. И. Герцен в заметке «Эпоха прогресса и гласности в России»,— прогрессивное правительство сделало, под влиянием прогрессивного III Отделения, следующее положение: что «никто не имеет права производить или посылать кого-либо производить по России этнографические разыскания или собрания *каких бы то ни было* сведений, не спрося правительства, от которого то лицо получает особенный вид, с прописанием: как, почему и для чего посылается. Разумеется, это дозволение может быть дано только лицам, пользующимся доверием правительства». (Говорят, что литераторам это право вовсе отнято!). Поздравляем с будущей прогрессивной статистикой!»²⁹.

Неоднократно использовал А. И. Герцен в своих произведениях и материалы орловской действительности. Так, исследователи отмечают, что в основу «Сороки-воровки», например, был положен эпизод, действительно имевший место в орловском крепостном театре графа С. М. Каменского — самодура-крепостника, рядившегося в тогу «просвещенного» мецената. Трагическую историю из жизни талантливой крепостной актрисы рассказал Герцену великий русский артист М. С. Щепкин после своей гостевой поездки в Орел.

В статье «Русское крепостничество» А. И. Герцен описывает событие, случившееся в 1846 г. в одном из уездов Орловской губернии. Близкие родственники тогдашнего губернатора князь Трубецкой и его жена подвергали своих крепостных жесточайшим истязаниям. После того как один крестьянин был замучен до смерти, началось следствие, в ходе которого обнаружилось, что в имени процветают самые гнусные традиции русского барства. В усадьбе было найдено подземелье, где в цепях томились заключенные³⁰.

В статье «Постельная барщина продолжается» А. И. Герцен разоблачил так называемое «дело Гутцейта». Помещик Орловской губернии, член губернской врачебной управы Л. К. Гутцейт занимался растлением несовершеннолетних, избивал их, ссылая

²⁴ Центральный государственный исторический архив Ленинграда, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 112, л. 1.

²⁵ Там же, л. 2.

²⁶ «Русская литература», 1959, № 2, стр. 157. К сожалению, черновой набросок этого письма опубликован В. Г. Базановым с досадными искажениями.

²⁷ «Колокол», 1859, лл. 53 (1 октября), 54 (15 октября), 57—58 (1 декабря), 59 (15 декабря); 1860, л. 83 (15 октября).

²⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе, т. XXXV, отд. I, 1860, № 35337 (СПб., 1862).

²⁹ А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. 14, М., 1958, стр. 410—411.

³⁰ Там же, т. 12, М., 1957, стр. 34—61.

на поселение³¹. Факты, приводимые в этой статье А. И. Герцена, были типичными для всей помещицкой России. Об этом свидетельствует, например, следующая запись в дневнике В. Ф. Одоевского, относящаяся к ноябрю 1860 г.: «Московский генерал-губернатор Тучков мне сказывал, что никогда, как теперь, помещики не предадут насильному разврату со своими крепостными женками и девками. Кажется,—говорил Тучков,— что они спешат воспользоваться остатками своей крепостной власти. Мои им убеждения тщетны»³².

Как видим, круг орловских корреспондентов Герцена был довольно широк. Однако до сих пор ни один из них документально не выявлен. Есть основания полагать, что орловские материалы доставляли А. И. Герцену члены кружка П. И. Якушкина.

В конце 50-х годов прошлого века в Орле образовался кружок молодежи, в который, кроме Якушкина, входили М. А. Стахович, И. В. Павлов, А. В. Маркович, Н. К. Рутцен, А. А. Ветров, М. А. Вилинская (Марко Вовчок) и др. Деятельность этого кружка еще не привлекла к себе внимание исследователей и его роль в истории русской литературы и русской общественной мысли не раскрыта. Между тем многие из названных лиц придерживались передовых по тому времени взглядов. Так, И. В. Павлов еще в лицее был связан с М. В. Петрашевским, а в Московском университете, где он учился на медицинском факультете,—с кружком А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Долгое время он находился в дружбе с М. Е. Салтыковым-Щедриным, поддерживая с ним переписку. Связи И. В. Павлова с Герценом, установленные еще в университете, не прекращались и после. В письме к университетскому товарищу А. И. Малышеву Павлов в ноябре 1856 г. писал: «Юношей был, сошелся с главою «великих», теперешним известным европейским писателем»³³. Надо полагать, что Павлов еще в те годы информировал Герцена о наиболее значительных событиях в Орловской губернии. «Дело Гутцейта», например, хорошо знал именно Павлов: Гутцейт лечил больного П. В. Киреевского. «Надутый дурак», как пишет о нем И. В. Павлов, назначенное для больного лекарство давал «в десять раз меньшей дозе... Вскоре печальный исход и был очевиден»,—с горечью сообщает он³⁴.

По-видимому, посылал А. И. Герцену свои произведения и П. И. Якушкин. Так, из чернового наброска письма следует, что одна из его статей в свое время не была опубликована А. И. Герценом за давностью описанных в ней фактов, хотя они и были «совершенно верные». Это тем более вероятно, что Якушкин в ряде своих произведений весьма прозрачно намекает на выступления «Колокола» против крепостничества. Так, в рассказе «Велик бог земли русской!» он выводит помещика М***, который во время «освобождения» крестьян большую часть своих людей «прогнал на волю». В ответ на обвинения его в «дурном обращении» с людьми он откровенно заявляет, «что он ничего не боится, никакой там выдуманной гласности, что про него, пожалуй, пиши не только на колоколе (разрядка моя.—А. Б.), а хоть на всей колокольне, что про него писали и в «Отечественных записках»»³⁵.

Из чернового наброска письма видно, что на этот раз Якушкин решил одну из своих статей предложить в какой-то «другой журнал»³⁶, но в то же время сообщить А. И. Герцену о ее содержании, которое, вероятно, было связано с собирательской деятельностью Якушкина: он может смело говорить «об теперешних делах», ибо заслужил это своим более чем двадцатипятилетним хождением по России. События, о которых собирался написать Якушкин, стали уже достоянием истории: статью о них он не решался послать А. И. Герцену. По-видимому, это были события, связанные с выходом в 1860—61 гг. первых выпусков «Песен, собранных П. В. Киреевским».

Известно, что перед смертью (1856 г.) П. В. Киреевский «выразил желание, чтобы подбор собранных им песен и окончательная редакция произведений были по всем правам и в силу глубокого знания П. И. Якушкиным»³⁷. Якушкин приступил к работе. По его словам, «к осени 1857 года сборник песен был почти готов»³⁸. Однако в начале 1858 г. Якушкина неожиданно отстранили от издания песен. Родственники П. В. Киреевского передали издание особой комиссии Общества любителей российской словесности при Московском университете по изданию собрания П. В. Киреевского. В состав комиссии вошли К. С. Аксаков, П. А. Бессонов, В. И. Даль и Н. П. Гиляров-Платонов. В дальнейшем все издание перешло в руки П. А. Бессонова.

³¹ А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. 14, стр. 74—75.

³² «Литературное наследство», т. 22—24, М., 1935, стр. 116.

³³ Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ГБЛ), М., 8223/8, л. 19. За сообщение этого документа приношу благодарность Н. М. Чернову.

³⁴ Там же, л. 20.

³⁵ «Сочинения П. И. Якушкина с портретом автора, его биографией С. В. Максимова и товарищескими о нем воспоминаниями: П. Д. Боборыкина, П. И. Вейнберга, И. Ф. Горбунова, А. Ф. Иванова, Н. С. Курочкина, Н. А. Лейкина, Н. С. Лескова, Д. Д. Минаева, В. Н. Никитина, В. О. Португалова и С. И. Турбина», Издание Вл. Михневича, СПб., 1884, стр. 23.

³⁶ Словом «журнал» в то время нередко называли и газету. Поэтому Якушкин, говоря в письме о «журнале» Герцена, мог иметь в виду и «Колокол» и журнал «Полярная звезда», издаваемый Герценом в Лондоне.

³⁷ См.: Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 10, СПб., 1896, стр. 27.

³⁸ «Сочинения П. И. Якушкина», стр. 463.

Для Якушкина это был слишком большой удар. Многие годы странствовал он по России, бескорыстно передавая П. В. Киреевскому свои записи. Он действительно имел все права довести начатое дело до конца, тем более, что его записи составляли очень значительную часть собрания Киреевского. В письме к В. А. Елагину от 22 февраля 1858 г. он с горечью писал: «Мое положение довольно странно, Василий Алексеевич, я думал, что я что-нибудь да значу в издании песен Петра Васильевича, а вышло, что нуль. Вы мне сказали, что без меня не будут издаваться песни, а мне говорят, что я совершенно посторонний человек в этом деле»³⁹. Но Якушкина волновало не только это. Филологическая подготовка Бессонова была весьма слабой, фольклорный материал, как правило, он брал из вторых рук, подчас не останавливаясь перед заведомой фальсификацией того или иного песенного текста. У Якушкина были все основания опасаться, что начатое им издание будет завершено Бессоновым без учета указаний П. В. Киреевского, которыми Якушкин, как известно, дорожил больше всего.

Первые выпуски «Песен», вышедшие в 1860—1861 гг., подтвердили эти опасения. Филологический аппарат издания был настолько неудовлетворителен, что Якушкин выступил со статьей «Кое-что об изданиях г. Бессоновым народных стихов и песен»⁴⁰, в которой подверг резкой критике бессоновские принципы издания и обосновал свои принципы, к сожалению, до сих пор недостаточно изученные.

П. А. Бессонов в том же году выступил со статьей «Объяснение на статью г. Якушкина, помещенную в «Библиотеке для чтения», 1863, № 10», в которой сделал попытку отвести выдвинутые против него обвинения. Признавая, что Якушкин «укоряет» его «подробно и грозно, едко и саркастически», Бессонов в то же время утверждал, что Якушкин не обладает «способностью издательской»⁴¹. Не вдаваясь в подробности этого спора, отметим, что Якушкин совершенно справедливо упрекал Бессонова в некритическом подходе к материалу, несостоятельности научного аппарата издания.

Что в черновом наброске письма к Герцену речь шла именно об издании Бессоновым песен, собранных Киреевским, свидетельствует следующий план этого письма, написанный Якушкиным карандашом на том же листе:

«Издавайте, об названии ни слова. На опечатки смотреть нечего.

1. Зависть к Киреевскому.
2. Буслаев и Забелин дали песен.
3. Взял у Киреевского песни для калик.
4. Не поместил ни одной песни в Собр. Киреевского.
5. Не по мысли Киреевского издал сборник песен.
6. Почему стихи Киреевского не издаются.
7. Непонимание вариантов и разноречия.
8. Самовосхваление: сперва издавать песни как родился, как жил и, наконец, как умер.

9. Неосновательность примечаний.
10. Неосновательность толкования слов и понятий ([неразб.]) Ерусалимский стих и жена Добрыни.
11. В младших стихах.
12. Об Аксакове и Погодине.
13. Филологический аппарат.
14. Киреевский идеал [неразб.]
15. Русский народ не профанирует стихами.
16. Православие может эпическую поэзию.
17. Весна начинается с 25 декабря».

Нетрудно убедиться в том, что план этот в самых общих чертах повторяет статью Якушкина «Кое-что об изданиях г. Бессоновым народных стихов и песен».

П. И. Якушкин в этой статье неоднократно говорит о том, что Бессонов из зависти к П. В. Киреевскому взял из его богатейшего собрания духовные стихи и поместил в своем сборнике «Калеки переходные». «Где он (т. е. Бессонов.— А. Б.) проявил знание русской народной поэзии? Он решительно ничем не показал знания народной жизни; только впоследствии доказал отсутствие понимания русской поэзии и зависть к заслугам Петра Васильевича... Чем вы объясните, например, как не завистью, следующее: едва узнали люди совсем не близкие, а может быть и лично незнакомые с Петром Васильевичем, об издании его собрания, как в ту же минуту предложили свои сборники в общую сокровищницу Киреевского; из числа многих я укажу на Ф. И. Буслаева, И. Е. Забелина (ср. 1 и 2 пункты плана.— А. Б.); г. Рыбников, имея под руками множество песен, не остался чуждым этому труду: он дал несколько песен в сборник Киреевского; один только г. Бессонов, которому бесконтрольно поручен сборник, взял себе часть, а может и лучшую, именно духовные стихи из сборника Киреевского и издал их в своих «Калеках переходных» (ср. 3 пункт плана.— А. Б.), да при этом надо заметить, ни одной строки не вложил в собрание, порученное его благодеяниям»⁴².

Следует отметить, что Бессонов в упоминаемой ранее статье отрицал какую-либо причастность к изданию песен и Ф. И. Буслаева и И. Е. Забелина. «Об этих *многих*, —

³⁹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 99, п. 10, ед. хр. 84.

⁴⁰ «Библиотека для чтения», 1863, № 10, стр. 108—130.

⁴¹ «Библиотека для чтения», 1864, № 1, стр. 3 и 4.

⁴² «Сочинения П. И. Якушкина», стр. 464.

писал он.— ни комиссия, ни я ничего не знаем, сборников гг. Буслаева и Забелина не видели»⁴³. Возможно, что Бессонов очень плохо знал материал. Иногда он умышленно не указывал собирателей. Так или иначе вопрос этот окончательно не выяснен до сих пор. Но нам важно подчеркнуть сходство основных положений статьи Якушкина и плана его письма к А. И. Герцену.

П. А. Бессонов в специальном «Предупреждении» к первому выпуску «Песен, собранных П. В. Киреевским» писал: «По мысли, руководившей постоянно Петром Васильевичем Киреевским, комиссия, издающая ныне сборник его песен, не ограничивается тем, что нашла в бумагах покойного, но присоединяет сюда в пополнение и другие песни..., а где нужно, в приложениях к выпуску, помещает сказки, исторические показания». Якушкин в связи с этим замечает: «...Здесь все неверно, или, по крайней мере, неточно: в приложениях к выпуску помещать сказки, исторические показания; это совершенно не по мысли Петра Васильевича Киреевского, а между тем Бессонов уверяет, что он *постоянно* руководился мыслью Петра Васильевича»⁴⁴ (ср. 5 пункт плана.— А. Б.).

Далее, так же как и в плане письма к А. И. Герцену, Якушкин говорит о непонимании Бессоновым вариантов песен, о его самовосхвалении: «Во всем издании г. Бессонова одна только мысль его: заменить западную терминологию Петра Васильевича на свою, якобы славянофильскую: исторические песни он назвал былевыми; «вариант» заменил, хоть и не совсем верно, словом «разноречие»,— пишет Якушкин и в качестве примера разницы между вариантом и разноречием разбирает песню про свадьбу Ивана Грозного»⁴⁵ (ср. 7 пункт плана.— А. Б.).

П. И. Якушкин подробно останавливается на примечаниях Бессонова к песенным текстам, на его толкованиях отдельных слов и понятий (их последовательность также соответствует плану его письма к А. И. Герцену). Так, в плане письма речь идет о «жене Добрыни» (10 пункт). В статье он подробно развивает свою мысль: «Еще должно прибавить, что Петра Алексеевича господь и соображением не обидел. Соображение у него глубокое. Вот вам пример: жен добрыниных по разным вариантам зовут различно, а именно: 1) Тимофеевной, 2) Микулишной, 3) Григорьевной, 4) Гурьшиной, 5) Никулишной... Вот и все. Которая же из них жена добрынина? Во век никому не отгадать!... И не отгадывайте, а прочтите на стр. XX, вып. 2, что гласит г. Бессонов. А г. Бессонов гласит, что Добрыня, боярин, был женат на *удалой развездной девице, Настасье Никуличне, дочери представителя землины, Никулы Селяниновича!*... Этого никто не мог прежде знать, да и сам Петр Алексеевич повертел-таки чудом, чтобы отыскать Добрыне тестя-батюшку. Да и кому придет в голову женить Добрыню, княжого племянника, на дочери мужика»⁴⁶.

Якушкин подмечает малейшие промахи Бессонова в комментировании и толковании отдельных слов и понятий песен. «Лисиц бурых, о которых упоминает Бессонов, видел один г. Бессонов, а члены О (Общества любителей российской словесности; имеются в виду, кроме П. А. Бессонова, К. С. Аксаков, В. И. Даль и Н. П. Гиляров-Платонов.— А. Б.) могли только видеть лошадей бурых, а лисиц видали чернобурых, бурнастых»⁴⁷. «Только вам еще раз просьба,— заканчивает он свой разбор издания,— оставьте песни Киреевского или займитесь изданием их серьезнее: с чужим добром так не поступают»⁴⁸.

Последующие пункты плана также полностью соответствуют основным положениям статьи Якушкина: он упрекает И. С. Аксакова и М. П. Погодина (ср. 12 пункт плана), знавших о деятельности П. В. Киреевского, в том, что они вовремя не остановили Бессонова, который сейчас «работу Петра Васильевича находит противным здравому смыслу и науке!»⁴⁹; критикует Бессонова за свободное обращение с текстом: Бессонов «сделал сводный стих по образцу, называемому в западной науке *филологическим аппаратом*» (ср. 13 пункт плана), но «у него вышел такой сумбур, что в этом аппарате ничего не поймешь»⁵⁰.

Последним пунктам плана (15—17) в статье соответствий не имеется. Возможно, первоначальный замысел статьи был значительно шире или во время публикации ее конец почему-либо не был напечатан⁵¹.

Таким образом, письмо П. И. Якушкина к А. И. Герцену, черновой набросок которого удалось разыскать В. Г. Базанову, следует относить к 1863 г. Оно было написано (хотя вполне возможно, что оно так и осталось неоконченным), как можно заключить, в связи с выходом первых выпусков «Песен, собранных П. В. Киреевским».

⁴³ «Библиотека для чтения», 1864, № 1, стр. 3—4.

⁴⁴ «Сочинения П. И. Якушкина», стр. 465.

⁴⁵ Там же, стр. 466.

⁴⁶ Там же, стр. 468.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, стр. 470.

⁴⁹ Там же, стр. 472.

⁵⁰ Там же, стр. 473.

⁵¹ В 1864 г. в газете «Голос» (№ 157) П. И. Якушкин вновь вернулся к вопросу об издании «Песен, собранных П. В. Киреевским». На этот раз Якушкин, критикуя П. А. Бессонова за произвольные толкования фольклорных текстов, использовал 15—16 пункты этого плана.

Полицейским властям, перехватившим этот черновой набросок письма, был важен, разумеется, сам факт обращения Якушкина к Герцену и то, что связи их существовали еще раньше.

В это-то время III Отделению стало известно, что Якушкин «намерен предпринять новое путешествие по России». И так как автографы Якушкина, которые позволили бы установить принадлежность ему письма к А. И. Герцену, еще не были получены в III Отделении, было принято решение задержать его под каким-либо предлогом в Петербурге. В секретной «справке» в деле III Отделения читаем: «По особым соображениям признается необходимым отложить это путешествие и задержать здесь Якушкина на некоторое время. Ввиду этого полагалось бы самым лучшим — поручить какому-либо благонадежному и опытному лицу сблизиться с Якушкиным и, не подавая ему вида, под благовидным предлогом отдалить его отъезд из столицы впредь до особого распоряжения, о котором будет сообщено в свое время»⁵².

Однако задержать Якушкина не удалось. «Справка» помечена 31 июля 1864 г., а 4 августа петербургский обер-полицмейстер Анненков доносил шефу жандармов князю В. А. Долгорукову: «Офицер, назначенный для задержания под благовидным предлогом известного Павла Якушкина от поездки его по России, донес мне, что Якушкин выехал в Нижний-Новгород 1-го августа»⁵³. На этом донесении Долгоруков наложил резолюцию: «Уведомить Н. А. Огарева⁵⁴ об отъезде в Нижний-Новгород Якушкина и о необходимости за ним учредить наблюдение».

В Нижнем-Новгороде за Якушкиным был учрежден секретный надзор полиции. События, разыгравшиеся на нижегородской ярмарке, ускорили его ссылку в Орловскую губернию. В Нижнем-Новгороде Якушкин был «уличен» в пропагандистской деятельности и по приказу из Петербурга управляющего III Отделением Н. В. Мезенцова был арестован и выслан сначала в столицу, а оттуда на родину.

Таким образом, связи П. И. Якушкина с А. И. Герценом были, как можно видеть из всего изложенного выше, постоянными, а не эпизодическими. Великий русский революционер-демократ А. И. Герцен оказал значительное влияние на формирование творческой личности П. И. Якушкина.

⁵² ЦГИАМ, ф. 109, 1 экспедиция 1864 г., ед. хр. 152, л. 4.

⁵³ Там же. ф. 109, 1 экспедиция 1859 г., ед. хр. 240, л. 68.

⁵⁴ Н. А. Огарев в то время исполнял обязанности нижегородского ярмарочного генерал-губернатора.